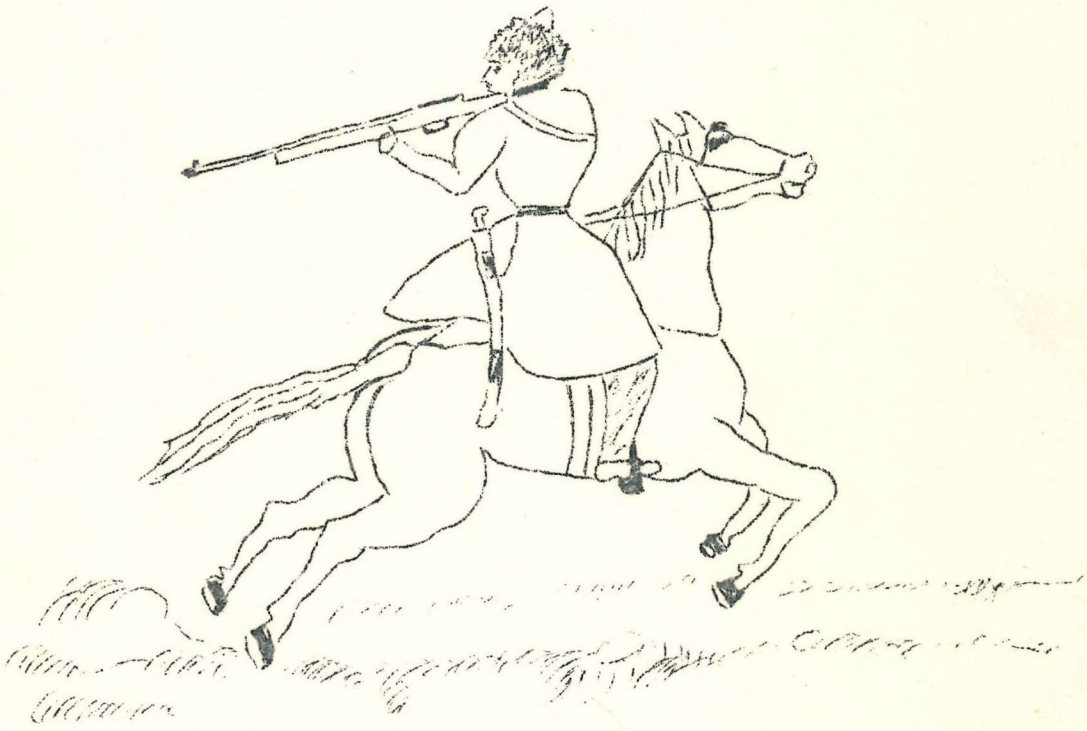
ПОЛКОВНИК ЕЛИСЕЕВ.

С ХОПЕРЦАМИ

ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ

1919 - 1920 г.г.

Символический набросок отхода казаков от Воронежа...

Брошюра № 5

Нью-Йорк, 1962 г.

С ХОПЕРЦАМИ
ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ.

/ 1919 - 1920 гг. /

/брошюра № 1-й/.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

В 3-м УМАНСКОМ ПОЛКУ -

1. В станице Екатериновской. Полковник Гамалий,
2. В своей станице. Ея бытовыя картинки,
3. Урядник Трофим Сальников,
4. Подпоручик-казак Астахов станицы Вознесенской,
5. В М а й к о п е. Семья Париновых. Черкесы....
6. Инспекция Походнаго Атамана Генерала Науменка. Генерал Бабиев.
7. На могиле Генерала Маневскаго,
8. На молотьбе хлеба в своей станице,
9. В Екатеринодаре. Встречи....
10. Офицер-"гадалка"...
11. Опять на молотьбе хлеба. Картинки на молотьбе...
12. Пленные красноармейцы в станице,

-на фронте-

13. Кубанския части-весной и летом 1919 года,
14. Боевыя картинки Кубанских строевых частей на фронте,
15. На пути на фронт - в Воронеж,
16. В Воронеже. Генерал Шкуро.

— ° —

Написано в 1941-м году, в Индокитае - сокращенно издано в Нью-Йорке в июле 1961-го года.

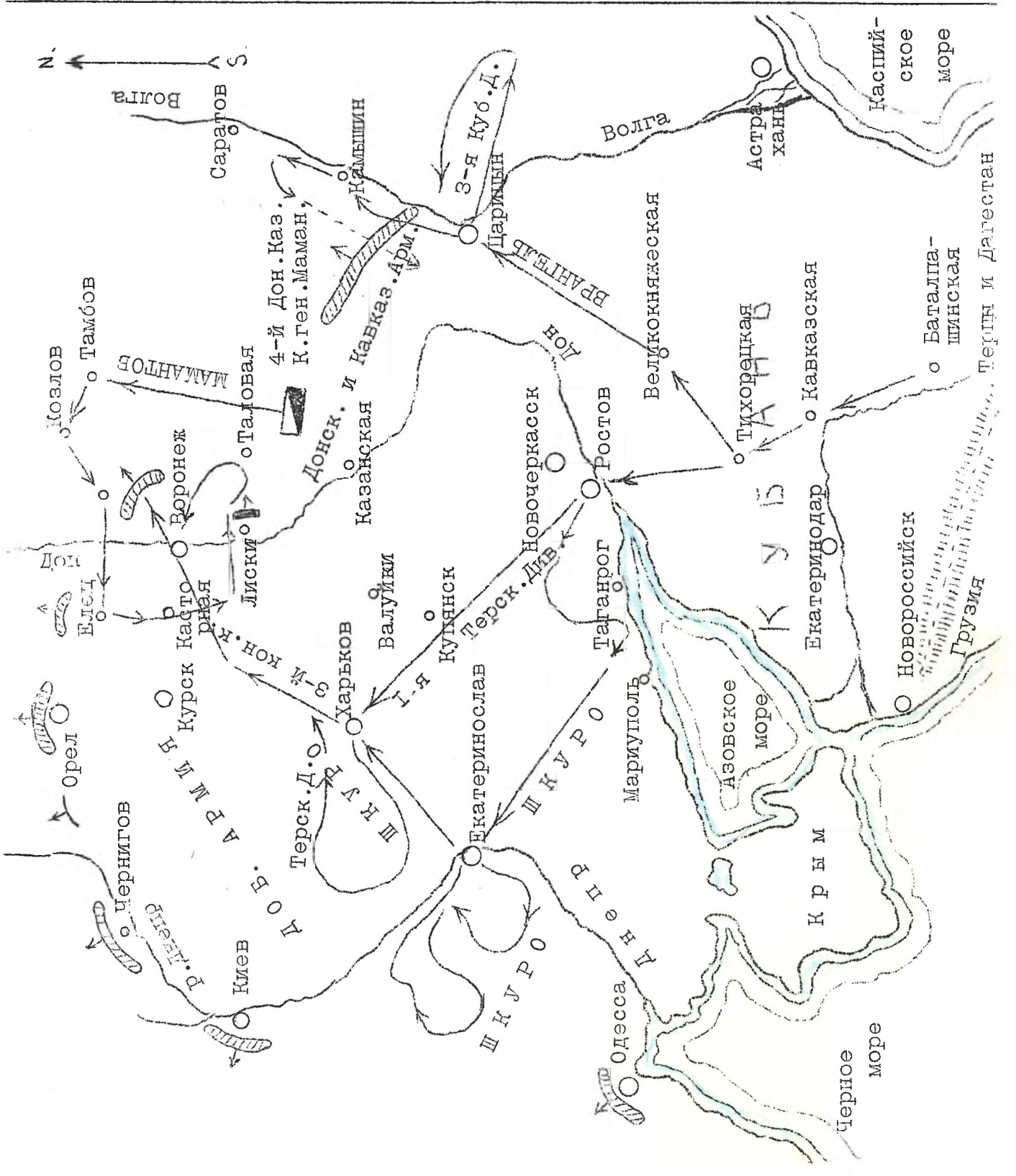
Цена брошюры - 1 дол. Выписывать по адресу:
Theodore Elyseev, 502 W, 177 St., Apt.1 C, New York 33, N.Y.

В следующем номере будут описаны бои Белой и Красной Конницы под Воронежем и Касторной.

Район занятый Вооруженными Силами Юга России к октябрю 1919 г., - Добровольческой, Донской и Кавказской Армиями, как указано Главнокомандующим Генералом Деникиным в его книге - "Очерки Русской Смуты", том 5-й, на стр. 121.

Стрелками указано движение только Кубанских частей, рейд генерала Мамантова и 1-й Терской Дивизии, т.е. то, что касается содержания брошюры.

Чертил Ф. Елисеев.

В 3-м УМАНСКОМ ПОЛКУ,Кубанскаго Войска.

Настоящая брошюра является прямым продолжением брошюры № 17-й "С Корниловским конным полком на берегах Кубани,в Ставрополье и в Астаханских степях 1918-19гг."

В СТАНИЦЕ ЕКАТЕРИНОВСКОЙ. ПОЛКОВНИК ГАМАЛИЙ.

Я совершенно не знал Черноморских станиц,в средине мая 1919 года,еду-чи в Екатериновскую станицу Уманского полкового округа,где формировался 3-й Уманский полк,которым командовал Полковник Гамалий и куда я был назначен Походным Атаманом Генералом Науменко,на должность помощника Командира полка.

Мне было скучно.Я был огорчен несправедливостью отозванием меня из Корниловскаго полка в самый разгар победнаго наступления на Царицын и чувствовал,что тыл - совершенно не для меня.Тишина и покой после долгаго пребывания на фронте и в боях - были неприятны.Они томили и клонили душу к апатии.Я чувствовал,что в тылу буду совершенно безполезен.И сытая тихая беззаботная жизнь - меня утомит своим застоем.И вот,когда я вышел из поезда на станции Крыловская,как везде на Кубани далеко отстоящая от станицы - мне сделалось неимоверно нудно....

На извозчике,степью,еду в Екатериновскую,направляясь прямо к площади зная,что штаб полка,должен быть где-то там.Издали вся станица утопали в цвету белой акации.

Я приятно волновался,когда подошел к двери большого казачьяго дома,за которой должен быть мой старый и старший друг еще по Оренбургскому казачьему училищу с 1910-го года,Полковник Василий Данилович Гамалий,теперь мой Командир полка. У него я должен отдохнуть душею от постигшейся надо мною неприятностью и,конечно,рассказать ему все,как "защитнику обездоленных",каким он прослыл в Военном училище среди нас младших юнкеров,будучи тогда портупей-юнкером.

Спросив разрешения войти - рапортую-представляясь по всем правилам воинскаго устава,а он,быстро встав со стула и обойдя свой письменный стол,не слушая рапорта,подходит ко мне,обнимает и целует в губы,проиненся - "Ну к чему этот рапорт?" Из штаба Войска он уже знал о моем назначении в его полк.

Я хочу пред,явить ему свое предписание,а он флегматично перебивает меня словами: - "Да успеешь еще..... Ты обедал?" - добавляет.Отвечаю - "Конечно,нет... я сюда прямо с поезда".

"Постой!...куда-бы нам пойти пообедать?" вдруг спрашивает он и...смотря в землю,думает.

Красивый,высокий,крепкий,здоровый мужчина - кровь с молоком.Очень стройный.Крепко скроенный и красиво сшитый.С могучими плечами и легкою походкой.На светлой широкой гимнастерке - Офицерский Георгиевский крест и Английский орден.Своим внешним видом,Гамалий представлял классическую красоту казака-черномерца.Ему тогда было чуть свыше 35-ти лет.

Этой атлетической фигуре,казалось,не только было тесно сидеть в той небольшой его комнатке-канцелярии,но и - неуместно.Его крупное тело требовало простора,степи,именно степи,а не гор и леса!И требовало той работы,которую нужно было держать ему на своих могучих плечах как что-то

особенное на своем гранитном фундаменте.Это была "махина",требующая физическрй работы,шири,мощи,может быть безудержнаго разгула,и вот,он молодой и заслуженый Полковник и Герой - формируст в глубоком тылу полк из старых казаков и полк пеший....

Он холост,еще не устроился - вот почему и не знает - где ему обедать?

Вечером этого-же дня - я был представлен Командиру бригады,Генерал-майору Филимонову,родному брату Войскового Атамана.В черкеске и только при кинжале - он прогуливался возле своей квартиры под тенистыми акациями с очень мрлоденькой интересной и шустрой местной учительницей.Он не обратил никакого внимания на нас с Гамалием и постарался скорее отпустить нас от себя.В его бригаду должен войти и 3-й Запорожский полк,так-же формируемый,как и 3-й Уманский.

Странный прием был стушеван приятной встречей со старым Корниловцем, Сотником Шурой Хлус,отчетливо представившимся мне.26 октября 1918 года, в конной атаке полка на пехоту красных под станицей Убеженской под командой Полковника Бабиева - мы оба были ранены.Это связывало дружбой.

Получив от Гамалия месячный отпуск - выехал к себе в станицу.

В СВОЕЙ СТАНИЦЕ. ЕЯ БЫТОВЫЯ КАРТИНКИ.

В станице работаю и отдыхаю.Братья на фронте,идут с боями на Царицын.В хозяйстве рабочих мужских рук нет.Отец погиб.Бабушке сверх 70-ти лет.Матери сврх 50-ти.Три сестренки - 16-ти,14-ти и 12-ти лет.Все учатся Кому-же работать?!...

У нас,под горою,над Кубанью - два сада,по две десятины каждый.Один фруктовый и овощной,а другой - травяной,с люцерной.Эту траву косили четыре раза в лето.Подошел первый укос.Косили "травянкой",т.е.американской косилкой.

Скосили,высушили,перевезли сено и сложили в скирд,во дворе.Спели черешни,малина,клубника и другия ранния фрукты на нашем верхнем саду,раскинутом длинно по-кочугурам.

Я веду в станице замкнутую жизнь.Ни у кого не бываю.Ложусь спать не позже 9-ти вечера.Мне скучно.И томительно.Я оторван от своего воинскаго дела,вот почему мне и скучно и томительно.Живу как отшельник.

"Што ты,сыночек,такой грустный?"участливо спрашивает наша дорогая и такая добрая мать. "Ах - сколько невест есть хороших Федюшка!"добавляет она,думая,что я скучаю в одиночестве.Прослушав это,и дав несколько минут ей на размышление - встаю и иду тихо от нея,что бы не огорчать ее отрицательным ответом.Моя душа была пуста и я совершенно не думал о женитьбе.

Так приятно работать в своем фруктовом саду! Моя "Ольга" свободна пасется в огороде.Она так "округлена" на воле.Ей пять лет.Она,словно 17-ти летняя красавица "в соку".Она так привыкла ко мне.И когда ей становится жарко - сама идет ко мне.Подойдет,станет возле,словно хочет сказать: - "А не довольно-ли,старина,работать?... Не пора-ли на фронт?... А пока что - я хочу пить и постоять в тени".

И стоит она,моя дорогая Ольга-лошадь и монотонно машет головою от назойливых мух.

"Крас-сивая она у тебя,сыночек!" говорит мне мать и любуется ею,словно своею дочкой.

По праздникам я часто езжу по станице верхом и уж"не огородником" в широкой рубахе,вобраной под очкур широких шаровар,внакуск на чевяки,а в черкеске,в погонах,при кинжале и револьвере.Тогда я уже для своих станичников - и Пан, и господин Полковник,и Федор Ваныч и Федюшка для своих сверстниц и пожилых женщин-казачек.Прекрасны наши станицы!Прекрасный народ там!

/кобылица,под кличкой "Ольга"/

Меня волнуют иногда старики.Сидит какой-нибудь седой и бородатый на своем парадном крыльце в овчинной широкой белой бабьей шубе пригревшись на солнышке и видит - приближается офицер.Он хочет встать и отдать свое ему почтение.

"Сидите,сидите дедушка!... не вставайте!...Здравствуйте!"предупреждаю его и снимаю перед ним папаху.

"Ды... как-же!"....отвечает он,недоговорив,что всякому офицеру казак должен отдать воинскую честь.

— • —

Идут жестокие бои под Царицыном.Оттуда везут многих убитых казаков. Привезли двух убитых Хоунжих-станичников 1-го Кавказскаго полка,Васю Барыкина и Ваню Гетманова - друзей и сверстников нашего Жоржа-Хорунжаго.

"Что там с Андрюшей и Жоржем!?"... ломая руки и разрываясь от тоски, горою плачет наша самая старшая замужняя сестра Маня. "Убьют! Убьют их!"-надрывается она в плаче. "Сердце,ну...вырывается из груди!" твердит она,наша умница и такая чуткая 33-летняя сестра-казачка.И привезли Жорка,Хоунжаго Корниловскаго коннаго полка,но... раненаго - в третий раз.

Увидав его - Маня заплакала от радости.У бабушки и нашей Матери - нет уж слез.Все они выплаканы....

"Ну,вот,не даром же сердце так ныло",говорит Маня и уже смеется сквозь слезы.

УРЯДНИК ТРОФИМ САЛЬНИКОВ.

"Сыночек!.. тебя хочет видеть какой-то казак!"говорит мне мать,войдя в мою комнату.С крыльца во двор - я увидел стройнаго казака в чистом праздничном бешмете застегнутом на все крючки и при дорогом серебряном кинжале с поясом.Крупная папаха чернаго курпея с красным верхом и серебряными галунами на ней - говорили,что передо мною стоит урядник,и урядник не простой.Очень смугдое лицо с черными усами по-монгольски,как и лицо чуть монгольское - показались мне,что-то,знакомыми.

"Здравия желаю,Господин Полковник!"произнес он сам первый,взяв под-козырек и тут-же опустил руку.

"Не узнаете,господин Полковник?"весело и совершенно запросто спрашивает он,но почтительно и смело. Я не узнаю его,но,что-то,все-же,знакомое мне кажется в нем.

"А помните майские лагерные сборы в 1914-м году? Я был малолетком и был в Вашей наездницкой команде! Сальников я!" поясняет он.И я узнал худого длиннаго джигита станицы Тифлисской на небольшом вороном коне.

"Разскажи Сальников,разскажи - где и как служил после этого?" дружески спрашиваю его и подаю руку.

"В Конвое Его Величества!... Я старший урядник... а теперь в Кавказской запасной сотне",говорит-докладывает он. "А сейчас,Господин Полковник, по-старинке - прошу взять меня к себе конным вестовым",вдруг спрашивает он меня.

"Ка-ак?...гвардейца,старшаго урядника и вестовым?"- перебиваю я его. "Не отдаю-ли?"

"Господин Полковник!... все это не в счет!.. теперь все так перепутано...Я Вам докладываю лишь свое желание.У меня отличный конь и Вы мною останетесь довольны! Вы-же меня знаете по 14-му году,по лагерям.Я теперь в тылу и хочу итти с Вами на фронт",говорит он,бравый и,видно,умный урядник,моложе меня одним годом по рождению.

Я никак не мог понять его столь страннаго желания!Даже - неприличнаго как,вообще,урядника,а "гвардейца",как их называли в станицах - в особенности.Но он так настойчиво просил,что я согласился.И не пожалел потом.

ПОДПОРУЧИК-КАЗАК АСТАХОВ, СТАНИЦЫ ВОЗНЕСЕНСКОЙ.

Мой отпуск окончен. Погрузив лошадей с Сальниковым - прибыли в Армавир. Мы двигаемся в Майкоп, куда уже переброшен пеший 3-й Уманский полк. Здесь надо менять вагоны, но их нет. Иду к коменданту станции Армавир. Подпоручик, в темных очках и в красной комендантской фуражке, встал и вытянувшись за столом в положение "смирно", спросил: - "Что Вам угодно, господин Полковник?"

Выслушав, что я с лошадьми двигаюсь на Майкоп и что мне нужен вагон - он ответил, что - "вагонов нет". А потом добавил - "Пройдемте со мною".

Мы выходим из его служебнаго кабинета и вместе идем к пустынному концу платформы. Там он останавливается, снимает свои темные очки и весело произносит: - "Здравие желаю, господин Полковник!"

"Астахов?... что это такое?...что за наряд у Вас?... как Вы попали сюда?...почему Вы в темных очках?" забросал я его вопросами.

Астахов - урядник Конвоя Его Величества. Первопоходник. Был при Генерале Эрдели. После 2-го Кубанскаго похода произведен был в Прапорщики. Под станицей Михайловской Лабинскаго Отдела, я застал его помощником начальника команды связи Корниловского коннаго полка у Хорунжаго Андрея Ишутина, казака станицы Ильинской. Высокий, стройный, проворный, веселый, смелый на слова- его, почему-то, не любили в полку офицеры, его же сверстники из урядников. Возможно потому, что он был очень разговорчив и на остроту над ним - отвечал так-же остротой. Возможно, не любили его за активность. И когда потребовался от полка один офицер в штаб нашей 1-й Конной дивизии, коей тогда командовал Генерал-майор Врангель - Астахов согласился быть там. С тех пор я его не видел. Теперь он "подпоручик" и помощник коменданта станции Армавир. Его речь, передо мною, льется рекой. По выговору - никто не может подумать, что он был урядником. Его красная комендантская фуражка - - эмблема власти. Его-же темные очки, для того, что бы его не узнавали те, кто для него был невыгоден. И устроился он на эту должность для того, что бы иметь здесь свою казачью власть - так он, как и раньше, очень быстро говоря, пояснил мне.

"Вагонов нет, господин Полковник", говорит он. "Это-официально", добавляет — "Но для Вас я прежний Прапорщик Астахов Корниловскаго полка и вагон для Ваших лошадей будет подан немедленно-же".

— • —

Вагон подан. Лошади погружены и мы с Трофимом Сальниковым тронулись к Белореченской, проходя так знакомыя места, где 9 месяцев тому назад - текла казачья кровь в боях. Вот и станция Андрей-Дмитриевка...вот и тот мост через болотистый Чамлык, через который отходила 1-я Конная дивизия 18 сентября, после неудачнаго боя под Курганной. Вдали, вправо - видна роковая Михайловская станица. Роковая - по жестоким боям тогда. А вот и станица и станция Курганная. Прощай и она. Это теперь глубокий тыл. Скоро белыми войсками будет взята Москва и, когда-то, какой-либо казачий певец - воспоет тебя. Прощайте столь знакомые места, где так щедро лилась казачья кровь в боях за освобождение своей Отчизны.

В М А Й К О П Е. СЕМЬЯ ПАРИНОВЫХ.

Белореченская... Майкоп. Мы у цели. Разгружаемся и едем верхом в город. Я нахожу сотни полка расположенныя в постоялых дворах. Полковник Гамалий в отпуску. За него - Полковник Н.Н.Постников, наш Кавказец. Представляюсь ему. Он все так-же безпечный, каковым был и в Мерве мирнаго времени. И как тогда - с бритой головой. Он поклонник и подражатель горцам Кавказа.

"Где-же мне остановится?" спрашиваю Николай Николаевича, нашего "Кока"

"В отеле", лениво отвечает он. Это мне не нравится - служить и жить в

отеле,но исхода нет и я останавливаюсь в ближайшей к полку "Центральной гостиннице".

Расположился.Сижу и думаю: - куда итти?... что делать?
К вечеру являются Сотник Хлус и Есаул Бугай,бывший вахмистром у Гамалия в Персии.

В нашей гостиннице,оказывается,есть садик и в нем открытая сцена,на которой поют и танцуют "ночныя птички"...Открытие с 10-ти вечера и... до утра.

Мы ужинаем втроем - Бугай,Хлус и я.В вечерней прохладе,в садике,перед сценою,где поют и танцуют разныя красавицы - так приятно быть после пустынных степей Ставрополья и Астрахани.... Дорого мне обошлась эта ночь с хором песенников от 3-яго Уманскаго полка "до утра"....

— ° —

Через два дня еду в дом Париновых,в котором,12 лет тому назад,мы,семь станичников Майкопскаго техническаго училища,жили на полном пансионе.

"Папа,мама,дети!...скорее сюда!...Федя Елисеев приехал!...полковник!" кричит кто-то,увидев меня.

Ничто не переменилось в людях этого благороднаго дома,у которых,папа и мама простые горожане,но две дочки их учительницы,три сына офицеры и 4-й реалист.Коромыслом заходил их большой кирпичный дом.

"Ты где?... ты где-же остановился,Федя?" - перебивает всех старшая их дочь-учительница и хозяйка дома,глава и распорядитель всего хозяйства, Степанида Павловна /Стеня/,та,которая 12 лет тому назад,так всех нас,их пансионеров-техников,крепко держала в руках,словно классная дама,которую мы и боялись и не особенно любили за строгость над нами.

"В Центральной гостиннице,Стеня"... стыдливо отвечаю ей.

"Что-о?... когда ты приехал?... сегодня?"- вцепилась она в мою душу.

"Нет... три дня уже как я в Майкопе" - как провинившийся ученик,отвечаю ей,под общее молчание всей семьи,окружившей меня.

"Три дня-а?!!.... и только потом к нам!.. к своим родным-ым!...да еще из Центральной гостинницы?" - прошипела она с ужасом.

"И ты там,наверное,кутил?... там ведь сцена... и певички!... сейчас-же и немедленно переезжай сюда... к нам... как к своим... как тогда - 12 лет тому назад?" - уже приказывает она мне и не хочет меня слушать.И я у них, у Париновых,где каждая складочка их благородных душь так мне известна с отроческих лет и которых я так сильно любил тогда,12 лет тому назад.

И как я пожалел,искренне пожалел,что тогда,с вокзала,прямо не поехал с ним.Тогда бы не было и кутежа до утра с хором песенников и были бы деньги в кармане.А теперь у меня чуть больше 100 рублей... Мне было стыдно и досадно на самаго себя.Огорченная душа искала выхода.Но это не оправдание

Переселившись к ним - я зажил с ними как сын и брат.Для всех я был все тот-же "Федя","ты".И о "цуке" нас Стеней - только всело смеялись.

"Ты озорной был,Федя,но и самый послушный",откровенничает со мною милая Степанида Павловна,казавшаяся нам тогда очень строгой,придирчивой и несправедливой к нам.Ах,эта молодость! Сколько она делает промахов!

— ° —

Я часто езжу верхом за речку "Белую".И езжу туда,где делали экскурсии группами техников.Там-же,и так-же,росли под горою крупные кислицы-яблоки. Я,даже,подъехал к этим деревьям,сорвал одно яблоко и покушал...Оно было ужасно кисло,но тогда... тогда они нам нравились.

Я заглянул во все уголки,где тогда бывал.Навестил свое "Механико-техническое училище".И как оно показалось теперь мне мало и серо!А тогда - это двухэтажное длинное кирпичное здание,с массивною чугунною лестницею на верх,и под нею комната швейцара - казались колоссальными.А училищная роща-сад? цветник и кирпичная аллея-дорожка в мастерския наши? - теперь казались так обыкновенны... Но наш дивный Майкопский городской сад,с шумящею внизу рекою Белою - остались те-же.В нем и теперь много гуляющей

публики.Я обхожу дальния аллеи,где мы "стрелняли" за гимназистками и... это показалось мне так давно-давно бывшее..И стало грустно на душе.

Я купаюсь в Белой и вода в ней холодна так-же,как и тогда.Стоят те-же купальни.И люди купаются как и тогда - без купальных костюмов.Это мне нравится.

Я разсматриваю пожарную каданчу.Она теперь не так высока,как казалась тогда.И городской базар не так насыщен публикой.И "брехаловка" не так величественна.А с каким затаенным интересом бежали мы на нее,что бы встретиться с гимназистками!Все,ведь,были влюблены тогда....

Я заглянул и в лавочку к армянину-старику Арутюну,где мы техники,копейки на-три,покупали у него свеже-жареныя на вертящейся жаровне фисташки.Лавочка-лачуга на углу все та-же,но сам Арутюн - теперь глубокий старик.Я купил у него очень много тех жареных,приятно пахнувших,и вкусных фисташек,что бы порадовать старика.Он удивленно смотрит на молодого полковника,так щедро платящаго ему.

Там-же стоит и "первоклассная" фотография Амбражевича,где мы снимались техниками.Вот и Армянская церковь.Вообще - Майком - словно и не перестраивался.И на Клубной улице - та-же грязь и топи,т.к.она до сих пор не мощена.И городская пожарная команда на вороных вихрь-лошадях - крылато несется по ней,разбрасывая по сторонпм жидкую грязь.

Ч Е Р К К Е С Ы . . .

По улице идет конная сотня черкесов.Впереди нея вижу друга по техническому училищу Корнета Пшемафа Ажигоева.Под ним красивая лошадь и сам он все так же стройный статный и изящный,каковым был всегда.Взводнне урядники и др.инструкторы только казаки.Они то и поют казачью песню, идя во главе Черкесской сотни.

Мой дивный друг Пшемаф в миноре.Он говорит,что их Черкесскую дивизию свернули в полк и отправили сюда на переформирование.

Ему, черкесу со средним русским образованием,сыну дворянской черкесской семьи и,вообще,хорошо воспитанному и благородному человеку - очень тяжело переживать - и не обученость военному строю своих черкесов и некоторому пренебрежению к ним,которое он услышал на одном званном богатом обеде у местнаго Кубанскаго тавричанина.

"Так это-же все те-же дикари"...говорит на нем одна дама,жалуется он мне.

"Ты знаешь,Федя,дело дошло до того,что мы должны были встать из-за стола,извиниться перед хозяюшкой и ночью-же уехать верхами/верхом/ к себе в полк.И это за 20 верст от него". И передохнув продолжает:

"Я начинаю жалеть,что окончил наше техническое училище.Лучше было бы навсегда остаться "диким черкесом",что-бы не понимать всего этого.Мои офицеры на эти слова,готовы были взяться за кинжалы... Ты знаешь,как среди нашего народа развиты чувство чести и гордости!Но ведь мы живем не во время Шамиля!...Я их успокоил.И они мною недовольны... Я испытываю двойственность своей души.И только мой авторитет..не мой,может быть,лично, а авторитет нашей семьи - останавливает их от открытаго неудовольствия на многое".

Я отлично понимал своего благороднаго друга-черкеза и постарался его успокоить.И невольно вспомнил одно четырехсишие поета,Михаил Ю.Лермонтова,в его поэме "Измаил-бей":

"Черкес удалый,в битве правой -
"Умеет умереть со славой!
"И у жены его младой -
"Спаситель есть - кинжал стальной....

Этот наш Кубанский черкес Пшемаф Ажигоев,теперь полковник и проживает в Париже. С ним я разстался в 1949-м году.

ИНСПЕКЦИЯ ПОХОДНАГО АТАМАНА.ГЕНЕРАЛ БАБИЕВ.

Получена телеграмма,что в Майкоп приезжает Походный Атаман Генерал Науменко инспектировать части войск.

На жел.дор.вокзале выстроен почётный караул от 3-яго Уманскаго полка. Официально - его встречает Атаман Майкопскаго Отдела Генерал Данилов,являющийся и начальником гарнизона Майкопа.На правом фланге караула все офицеры полка в порядке старшинства чинов.

Подошел оч.короткий поезд и из него вышел Генерал Науменко,в черкеске.После рапорта Генерала Данилова - он идёт вдоль фронта и за руку здоровается с офицерами.Подавая мне руку - он улыбается и вдруг весело говорить - "А знаете,Елисеев?... со мною прибыл и Генерал Бабиев.Он в вагоне... но у него после Михайловской станицы - болит голова!..

И действительно - в окно выглянул Бабиев в папахе и тут-же скрылся. Бабиев казак Михайловской станицы Лабинскаго Отдела и,конечно,как и принято у казаков - Походнаго Атамана и своего молодого и молодецкаго станичника-Генерала Колю Бабиева - старики угощали на-славу.Все это только нормально.

Генерал Науменко с Атаманом Отдела решили,с вокзала-же,ехать в Войсковой конно-учебный дивизион,который размещен в лагерных бараках на Белой, на восток от города,верстах в 5-ти.Приготовлен уж и параконный экипаж - и оба Генерала садятся в него.

"Мы будем сопровождать их верхами",тихо говорит мне Гамалий.

"К чему это,Васылю?"спрашиваю его.

"Надо... ты не понимаешь... надо быть политиком",так-же тихо отвечает он.

Я его понял...И несколько офицеров его полка,у кого были лошади/а были они только у нескольких,т.к.полк был пеший/ - мы идем у колес экипажа.

Жара исключительная.И тишина в природе.Выйдя за город - экипаж взял хороший рысь своих лошадей.Мы идем уже коротким наметом.Через версту - наши лошади в мыле,а мы - паримся в затянутых черкесках.Все растянулись по дороге и только у колес экипажа,по сторонам его,остаемся мы трое на своих сильных лошадях - Гамалий,я и Сотник Хлус.В душе я ругаю Гамалия - к чему это? Словно ординарцы....

— • —

Мы в учебном дивизионе,построенном в казармах у своих коек.И.. что я вижу!..Походного Атамана рапортом встречает Полковник-старик Миронов.Он был помощником Командира полка по хозяйственной части в нашем 1-м Кавказском полку в мирное время.В 1914 году,по предельному возрасту,55-ти лет, он вышел в отставку и уехал на Кубань.Тогда он был Войсковой Старшина и, как положено в Русской Армии - всякий офицер,выходя в отставку,производится в следующий чин.

Миронов был довольно крупный телом и мясистый.Обходительный и дипломат.Находчивый и не робкий перд начальством.Любил снисходительно цукнуть нас,молодежь,как-бы,по-отечески.Любил посещать клуб в Мерве,как единственное общественное место.Но... за целый год моего пребывания тогда в полку - мы ни разу не видели его в седле.

Ему теперь,в Майкопе в 1919г.,значит,было 60 лет.И он был Начальником Кубанскаго Войскового конно-учебнаго дивизиона в две сотни молодецких казаков,будущих урядников,которые должны быть разосланы по всем полкам Войска,как новое светило "хребта армии" - младший командный состав.

"Ваше Превосходительство... во вверенном мне конно-учебном дивизионе - все обстоит бла-го-по-луч-но"... не отрапортовал,а разсказал он Походному Атаману - ласково,с приятной улыбкой и по-штатски,с поклоном,пожал протянутую руку Генерала Науменка.

Должен еще сказать,что в 1910-м году,когда я был вольноопределяющимся 4-й сотни 1-го Екатеринодарскаго,Кошевого Атамана Чепеги,полка - Миронов,в чине Войскового Старшины,был помощником Командира полка по хозяйственной части,а Войсковой Старшина Бабиев /отец/,был помощником по строевой части.Следовательно - служба проходила у Миронова вне строя.

На мое удивление - Гамалий мне сказал в тот же день,что - когда Науменко был Хорунжим 1-го Полтавскаго полка - Миронов в то время был Старым Под,Есаулом,иль Есаулом этого-же полка.Это подтвердил мне и Генерал Науменко уж в Нью-Йорке.Вот почему их взаимоотношения и были близкими.

Кажется в 1925-м году,Генерал Миронов,из Болгарии,вернулся в Россию, вместе со своими двумя сыновьями,офицерами 4-й Кубанской казачьей батареи в мирное время,входившей в нашу тогда Закаспийскую казачью бригаду.

После рапорта,поздоровавшись с казаками - Генерал Науменко обходил казаков стоявших у своих коек и,внимательно всматриваясь в глаза каждому - распрашивал - какого полка?какой станицы? и пр.Должен подчеркнуть, что Генерал Науменко нравился казакам и он умел привлечь к себе сердца их,как и молодых офицеров.

Строя Походный Атаман не смотрел - ни пешаго,ни коннаго.Потом попросил он офицеров в сторону от казаков и сказал,приблизительно,следующее:

"Сейчас идут большие дебаты в Раде о создании своей Кубанской Армии. Мне,как Походному Атаману,хотелось бы знать по этому вопросу мнение господ офицеров.Как Вы все на это смотрите?"

Если-бы наблюдательный человек посмотрел-бы тогда в окно,как подтянуто стояли все офицеры перед своим Походным Атаманом в положении "смирно" и... не дыша - то он сразу же определил,что - никто из них,не только что в силу молодости лет некоторых,но в силу особеннаго воинскаго воспитания, запрещающаго разсуждать перед высшим начальством - никто из них ничего не ответит по существу на этот очень большой политический вопрос.Это был, конечно,вопрос политический,а не военный.И не строевым офицерам,да еще молодым,было решать его.

Если бы можно было резко,бритвою,разрезать их сердца и заглянуть в них - то можно было бы точно прочесть: - "Да! Надо! Надо иметь свою Кубанскую Армию!"

Генерал Науменко спросил и ждал ответа.Мы все молчали.
"Так как-же господа?" переспросил Науменко.Полковник Миронов,по-штатски, развел руками и сказал "что-то" в пользу создания Кубанской Армии,но окончательно резюмировать отказался.Молчал и Генерал Данилов,молчал и Полковник Гамалий,молчал и я,Полковник Елисеев.Зачем скрывать это,42 года спустя? - исповедываясь теперь.

Недождавшись ответа - Генерал Науменко пояснил всем нам,что: - "По существу дела - Кубанцы должны иметь свою Армию,как,вот,имеют Донцы,но это трудно... И нам мешает в этом Главное Командование.Почему,что-бы не ошибится - я и опрашиваю всех",закончил он,Походный Атаман Генерал Науменко.

Атмосфера прояснилась.Высказались некоторые за создание Кубанской Армии,подчеркнув,что это право Войскового Штаба решать,но не нас,строевых офицеров.Фактически,вопрос повис в воздухе.Этим смотр Конно-учебнаго дивизиона и был закончен.

— • —

Вновь,тем-же эскортом,мы скачем назад,в Майкоп,прямо в летний клуб,на обед.На него приглашены только старшие начальники.Там нас уже ждал Бабиев,теперь Генерал-лейтенант,но - все тот-же,для некоторых - Коля Бабиев. Со мною он поздоровался дружески,внимательно,словно ничего и не случилось

в наших воинских взаимоотношениях в Корниловском полку,и за стол просил сесть против него.

Он,словно,стеснялся того,что из трех присутствующих генералов - он хотя и самый младший по летам,но старше их в чине,почему,в своем тосте и провозгласил,что считает себя "сотником"т.к.у него на погонах "три звездочки".Это всем понравилось и некоторые называли его "генерал-сотник".

Обед был не пышный,но отличный.Конечно - выпивка и хор трубачей.Бабиев,без лезгинки,не может быть весел.Она ему нужна как приятное сладкое блюдо после обеда.Он смотрит на меня,улыбается,подмаргивает и тихо говорит,что бы не слыхали другие :- "как-бы там лезгинку?" Я киваю ему головою,чем показываю,что - "можно".Тогда он,перегнувшись через стол - шепчет мне: - "Начните Вы первым...а потом пригласите меня... я буду отказываться,т.к.имею большой чин и мне неудобно сразу-же выскакивать... но Вы обязательно вызывайте меня... и тогда уж я выскочу".

Он называет меня по прежнему "Джембулат",но на "Вы".Я не сержусь,но колодок к нему у меня остался за Корниловский полк.Да и к Генералу Науменко,так-же.Не хорошо они поступили со мною.

Все мы офицеры любили нашу Кавказскую лезгинку,хотя танцевали ее не многие,но смотреть ее - все любили.Любил и Гамалий и Науменко.И Гамалий как хозяин стола /угощали Уманцы/- приказал трубачам "дать лезгинку".

По Кавказскому обычаю,даже самый большой любитель этого танца - не может,и не должен,сразу-же выбрасываться в нее.Нужно,что бы его "обязательно" попросили.Иначе - это не этично,не благородно.Так вышло и тогда. Я сидел за столом,словно танец меня и не касается.Но Гамалий и Науменко сразу-же произнесли мое имя,т.е. - просят протанцевать.... И я танцевал "зло и досадно",потому что чувствовал себя все еще оскорбленным и забро-шенным Генералами Науменко и Бабиевым в дебри тыла от радостной походно-боевой жизни,почему танцевал "злостно".Конечно,после немногих "па" - вызвал Бабиева.Он так-же "отказывался" вначале,но потом.... выскочил из-за стола и понесся....

Дивный наш Край Казачий! И в каком мiре можно видеть,что бы,не говоря уже о чине полковника,но - что бы генерал-лейтенант мог выступить в своем народном танце?! Это можно видеть только среди народов Кавказа,да Кубанских и Терских казаков.

Приезд в Майкоп Генералов Науменка и Бабиева - дал мне только огорчение,т.к.я еще больше почувствовал то,что я потерял на фронте.... В тот же день они выехали в Туапсе и потом пароходом в Сочи.

НА МОГИЛЕ ГЕНЕРАЛА МАНЕВСКАГО.

Устроившись в доме Париновых - иду навестить вдову погибшаго моего начальника и друга,Лидию Павловну Маневскую.У них был собственный домик по соседству с Армянской церковью.Увидев меня - она разряжается горючими слезами.

"Жорж!... мой Жорж!.. и его нет!нет!.. и не будет уж никогда!".... вскрикивает она сквозь обильно льющиеся слезы.

Я,любя искреннею любовью этого выдающагося во всех отношениях Кубанскаго офицера,моего Командира сотни по Великой войне с 1914-го года и благороднейшаго человека и личнаго друга - сам так разстроился,что мне трудно поддерживать в конвульсиях бьющуюся эту молодую красивую стройную вдову и вытирать свои слезы.

Наконец успокоились.Сели.Она встает,идет в другую комнату и приносит "его последнюю карточку".... в гробу.

Какая ирония судьбы!Приказ о производстве его в генералы шел на фронт

Он имел уже разрешение ехать в отпуск на Кубань - как в неожиданном бою на Маныче,в районе Бараниковской переправы,в направлении станицы Великокняжеской - он выскочил верхом на курган для ориентации.Красные открыли артиллерийский огонь и,разорвавшимся снарядом,он был тяжело ранен в бедро.На руках своего вестового - он там же и умер,истекая кровью. Он тогда временно командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией.

Горю молодой вдовы не было конца.И генеральские погоны на его бездыханном теле - еще более увеличивали ее горе.И погибнуть таким молодым, в 37 лет от роду!

Окончив 3-й Московский кадетский корпус и казачью сотню Николаевскаго кавалерийскаго училища в Петербурге в 1902-м году - он вышел Хорунжим в наш 1-й Кавказский полк,в котором образцово для всех прослужил до самаго конца 1917-го года.

Мы идем на его могилу.Он похоронен в ограде Введенской церкви,что против здания управления Майкопскаго Отдела.

Над свежей могилой в цветах - белаго мрамора крест,на котором золотыми буквами бибито:

"Здесь похоронен Генерал-майор Г.К.Маневский,
Командир Линейной бригады,погибший в бою
против красных 29 апреля 1919-го года".

Мир праху твоему,мой дорогой любимый муж.

Мы подошли,перекрестились,стали на колени,поклонились три раза в землю,вновь перекрестились и нежно поцеловали холодный белый мрамор креста.

Потом присели тут-же на скамейке.Вдова,тихо,молча,льет сами бегущиеся слезы.Я-же,гримасами лица,едва сдерживаю свои.И думаю - как бренна человеческая жизнь! Маневский всю жизнь прожил так честно!Достиг отличнаго воинскаго положения! Теперь только бы жить а радоваться,и ему и его молодой красивой супруге - и вот....Он теперь,и не видит и не знает - как горестно страдают у его могилы два любящих его души!

Лидия Павловна,моя сотенная Командирша с 1914-го года,умная женщина - она отлично понимает - как нам обоим тяжело быть здесь!

"Пойдемте Федор Иванович... пойдемте домой! Слезами,ведь,не поможешь горю!Поплакали,вот,над Жориком,отдохнули душой и... довольно!" говорит она.Вновь перекрестились,вновь поцеловали холодный белый мрамор креста и тихо,молча вышли на пустынную улицу Майкопа.... Л.П.Маневская проживает в Америке,в Сан-Франциско.

ВНОВЬ В СВОЕЙ СТАНИЦЕ. КАРТИНКИ НА МОЛОТЬБЕ ХЛЕБА.

3-й Уманский полк,поездом,переброшен в район Туапсе,для действий против "зеленых".Одна сотня перед Гойтсхим перевалом,остальныя-же сотни расположились в районе станции "Кривянка".

В Туапсе расквартирован 3-й Запорожский полк.Им командует пожилой Полковник Ратимов.Грустная картина кругом... Фактически - ни службы,ни боевых действий нет.Тускло и мрачно на душе.А главное - безплодная жизнь. Войска идут победно на Москву,а мы здесь,в глубочайшем своем тылу - бездействуем.Решил бежать на фронт.Отлично знаю,что Гамалий меня не отпустит.Кстати - мать пишет,что предстоит молотьба хлеба,а работать некому.

"Хоть бы ты прибыл,сыночек,помочь мне обмолотить святой хлебушко.Мне одной с детьми не справиться"..

Гамалий недоволен,что я вновь прошусь в отпус,но зная состояние нашей семьи - отпустил.

Дома,во дворе - шла молотьба ячменя котками,что бы хорошой корм-был-для скота;и мое прибытие в семью - как нельзя было кстати.

"Ровно две недели "я крутил веялку"...Думаю,многие не знают этот ка-

торжный труд,если сам его не испытал.Помощники-же у меня - мать и три сестренки.Бабушка - у печи...По "току" - все босиком...Я то-же...

"Трудом святым здесь добывались -
Богатство,слава и покой"...-как писал какой-то казачий поэт.

В Е К А Т Е Р И Н О Д А Р Е. ВСТРЕЧИ....

Отмолотился.Иду через голову своего Командира полка - в Екатеринодаре представляюсь Походному Атаману Генералу Науменко - войдя в его кабинет - с таким рапортом:

"Ваше Превосходительство... Полковник Елисеев,представляюсь,желая выехать на фронт в корпус Генерала Шкуро".

К Шкуро прошусь потому,что он выбросил,яко-бы,такой лозунг: - "ВСЕ ОБИЖЕННЫЕ - КО МНЕ!" Я был обижен,почему и хочу идти воевать в корпусе Кубанскаго Героя,у Генерала Шкуро.Кстати - он занял уже Воронеж.До Москвы осталось так недалеко...

Генерал Науменко улыбается и,выслушав мои доводы,вполне разделяя их и приветствуя - тут-же выдает предписание:

"С получение сего - выехать на фронт,в г.Воронежь,в распоряжение Начальника 1-й Кавказской казачьей дивиции".

Срок выезда не указан,т.к.я должен вернуться еще в Уманский полк для получения разсчета.

— • —

Когда прибываешь в Екатеринодар - то бывают сплошные сюрпризы.Теперь же они были особенны.

На Красной улице встречаю молодых полковников - А.И.Кравченка,Л.М.Дейнегу,О.И.Лебедева;тут-же знакомлюсь с Войсковым Старшиной Черешневым, на сестре котораго женится Афоня Кравченко.Все вместе ужинаем в ресторане-погребке "Медведь". Молодой генерал М.Растегаев пролетел метеором...

Встречаю сверстников Гамалия по Оренбургскому училищу - Помазанова и своего станичника Скрябина.Они выпуском на 2 года старше меня,но.. до сих пор в чине Под,есаула.Служат они в Войсковой автомобильной сотне. Мне неловко перед старшими былыми нашими юнкерами за свой чин,но они "не ревнивы" и говорят мне,что они "гордятся Царскими чинами,а офицерские чины в гражданской войне - не в счет"...

Еще больше меня удивил В.Т.Бабаев,геройский командир 5-й сотни 1-го Таманскаго полка и Георгиевский кавалер.Он так-же окончил наше Оренбургское казачье училище,еще,в 1908-м году и теперь,летом 1919г. он только в чине Есаула.Он так-же ценит "только Царское производство".Но чем он меня "убил" - так это то,как он сказал - "Я не верю в победу Добровольческой армии".

Бедняга... Он остался в Екатеринодаре и,в 1920-м году,был сослан на Соловки.

<u>И еще один сюрприз..</u>. На Красной улице,у Войсковаго Собора - козыряю какому-то молодому и нарядно-одетому Кубанскому генералу.Рядом с ним хорошо знакомый мне 1-го Екатеринодарскаго полка Хорунжий Косякин,родной племянник известнаго на Кубани Генерала Косякина,бывшаго помошника по военной части у Наказнаго Атамана Генерала Бабыча.Косякин остановился и подошел ко мне.Генерал,почему-то,тоже остановился.Взяв под козырек - Косякин произносит,адресуясь ко мне: -"Его Превосходительство,Генерал-майор Павличенко".

Так вот он... тот самый,Кубанский самородок-герой - пронеслось в голове.Он спокойно,но не по-генеральски,подает мне руку.На нем отличнаго защитнаго цвета гимнастерка и темно-синие диагоналевые бриджи с генерал

скими лампасами.На ногах - хорошо сидящие горские ноговицы и чевяки.На генеральских погонах вензельная буква "Е" с короною,как эмблема 1-го Запорожкаго,Императрицы Екатерины 2-й,полка.На голове каракулевая папаха крупнаго курпея чернаго барашка с 8-ю галунами по верху войскового алаго цвета.Он туго затянут ремнем щеголькского кавказскаго оружия.Вид очень нарядный.Все на нем новенькое и стильное,но - он так просто смотрит на меня,словно изучая того,о котором,что-то,слышал.Он молчит.

"Вы получили телеграмму от Генерала Врангеля?" - спрашивает меня Косякин.

"От Генерала Врангеля?...какую?" - удивленно спрашиваю его.

"Да он же предлагал Вам должность Командирая его конвоя в две сотни казаков! И я,как его ад,ютант - сам отправил ее Вам в Майкоп!Там Вас видел Генерал Бабиев и рекомендовал Генералу Врангелю!"

Я слушаю Косякина и начинаю кое-что понимать.Значит - Гамалий получив перехватив ее и - скрыл от меня...

"Так неужели не получили,господин Полковник?" - переспрашивает он.

"Первый раз слышу об этом",отвечаю ему.

Потом Гамалий признался мне,что он действительно "перехватил"эту телеграмму и скрыл от меня,не желая разставаться со мною.

Этою случайностью - я не стал участником разгона Кубанской Рады в ноябре того-же 1919 года.

"Г А Д А Л К А"....

Я обедаю в Войсковом собрании,что на Екатерининской улице,совершенно один.Против меня обедают человек 8 офицеров каково-то пехотнаго полка "цветной дивизии".Они "на-веселе".. Один из них пристально всматривается в мое лицо.Все они в обер-офицерских чинах.Всматривающийся встает,подходит ко мне и говорит:

"Господин Полковник!... Вы едете на фронт?"

"Да... а что?"

"Не езжайте!.. Нет!... Дайте вначале Вашу руку - я погадаю!"

"Я не верю ворожеям",отвечаю ему.Но он настаивает,т.к.в моем лице он нашел что-то его удивившее.Я согласился и дал руку.Быстро посмотрев на ладонь, потом поднял на меня глаза и твердо произнес:

"Если Вы поедете на фронт - то будете убиты!"

Я не верил предсказаниям.На фронте смерть витает над каждым,и очень близко.Все могло быть,конечно,но такое безапелляционное и определенное суждение - меня испугало.В кармане у меня уже лежало предписание "ехать на фронт",и я поеду,я должен ехать.Но...Отступая от Воронежа,при каждом бое,иль при каждой начавшейся перестрелке - я всегда помнил об этом офицере-"гадалке" и невольно думал: - "Не сейчас-ли будет конец моей жизни?"

Это его предсказание буквально отравило меня,как указал,при самой незначительной перестрелке с красными.Тем более,что положение тогда было жуткое.Мы отступали от самаго Воронежа с боями до самаго Матвеева Кургана.Нас давила сильная красная конница Буденнаго.На всякий случай - я сделал "Завещание" и возил его с собою.Завещание было на все мое богатство братьям,Андрею и Георгию,которое заключалось в двух верховых лошадях,в двух седлах,в трех комплектах Кавказскаго оружия и нескольких черкесок.Смешно - но это было так.И "такое богатство",думаю,было у большинства нашего Кубанского офицерства.

С моею смертью,станичный пай земли в 8 десятин автоматически переходил в земельный юрт станицы.Пенсии матери - н и к а к о й . . .

Но... случилось все наоборот: - погибла вся семья и в живых остался только я,один....Кому поведаю печаль свою?!

ОПЯТЬ НА МОЛОТЬБЕ ХЛЕБА. НОВЫЯ ЕЯ КАРТИНКИ...

Из Екатеринодара вернулся в полк, который был у с.Джугба на Черноморском побережьи, получил жалованье, и с лошадьми и с Сальниковым - прибыл в станицу. Гамалия в полку не было. Его вызвал к себе в Новороссийск Генерал Кутепов.

Мать ждет паровую молотилку, что бы обмолотить на гумне пшеницу. Все рабочие при молотилке по вольному найму, работают только "с чувала", т.е. на процентах обмолоченаго хлеба, т.к. ценность денег падает и веры в них нет.

При станице, в крепости - многочисленная Кавказская запасная сотня казаков. Ею командует-управляет старейший наш Кавказец, бывший в войне Командир 3-яго Екатеринодарскаго полка, житель х.Романовскаго, где у него собсвеный дом, Полковник Павел Григорьевич Миргородский - глубокий добрый старик и большой широкой души казак. Что бы помочь жителям - он разрешил своим казакам сотни, артелями, работать при паровых молотилках. Это была единственная мужская сила в работе при них.

Мать просит задержаться выездом на фронт и помочь ей. При молотилке до сорока рабочих. Все нанятые. Куда-ж ей управиться?

Стыдно было, но иду в запасную сотню и нанимаю команду молодцев-казаков человек 20, при 2-х подхорунжих. Все они летами моложе меня, а почему находятся в Запасной сотне - не знаю.

Машина открыла свои пары. Молотьба началась. Я вожу воду из става для паровика. Мать с детьми на кухне, в горнах, при котлах на 40 человек еды и три раза в день. Работа кипит. И так приятен гул машины издали. Но на второй день, когда я вернулся с 40-а ведерной бочкой из става на параконке - наша машина стояла. Оказалось - пшеница была "сорная", было много "азатков", т.е. сорных трав в ней и все рабочие нашли, что им не выгодно работать и они забастовали... Забастовали и казаки. Меня это задело. Моя мать в ужасе от этого. Где-же достать новых рабочих?

"Бабачки-и!... да чиво-же это Вы?... сдурели, што-ли?" говорит она им, чуть не плача от горя.

"А Вы, ребятушки?... и не стыдно-ли Вам?" упрекает она казаков. Но ее не хотят и слушать.

"Я Вас могу заставить!" строго говорю я бабам-мужичкам. "А Вам, казаки! .... Как Вам не стыдно?.. Вы знаете меня, а-а?.. И я работаю как простой мужик, а Вы-ы?!... И почему Вы не на фронте, такие молодые?"

Нашу семью многие знали и в других станицах Кавказскаго полкового округа. Знали нас братьев, знали о гибели отца во время возстания и о безпомощном положении женской половины семьи.

"Што Вы скажете на это, подхорунжий?" не по-воински, а строго по-станичному обратился я к их вожаку.

Казаки стоят молча, смущены. Все молоды, очень подтянуты своею молодою силою, хорошие приятные и так родные мне лица соседней, очень богатой и хозяйственной Ильинской станицы.

"Ну, ребятеж, довольно!... Берите вилы и начинайте! Вы извините нас господин Полковник. Вы говорите сущую правду! Мы продолжаем работать!" уверенно закончил он, подхорунжий, старший казачьей рабочей артели Кавказской запасной сотни. То, как потом признался мне во Франции, в г.Виши в 1926-29 годах - был подхорунжий Александр Иванович Дейнега. Об этом случае мы, потом, говорили с ними как о не хорошей шутке.

Работа была закончена, т.е. молотьба хдеба, которую ждет каждый казак-домохозяин ровно год, в чем заключалось все его богатство к существованию

"Спасибушка тебе сыночек... ну, а ежели-бы я была одна? Ну што я могла бы сделать с ними?! говорит мне мать и от приятнаго волнения - плачет.

Бедныя наши матери и жены-казачки! Вот на кого выпал вся горечь ада

революции.Мой конный вестовой,старший урядник-гвардеец Тимофей Сальников оказался очень хозяйственным человеком,сильным физически и добросовестным в работе.Молодец во всем.А главное - такой разсудительный.И как он работал вилами на скирдах! И как он окрысился на забастовавших казаков!

"Ну,а теперь Вы,Федор Иванович,и Вы тетенька /так назвал он,по-станичному,нашу мать/ - позвольте и мне поехать домой,в Тифлисскую,и помочь отцу" - говорит он за столом.

"Езжай,деточка,езжай",говорит моя мать ему,словно отпуск для Тимофея зависит от нея.Но не только что наша мать,но и сам Тимофей /так я его звал всегда,а он меня,вне службы - по имени и отчеству/ отлично знал,что он обязательно поедет в отпуск,в свою станицу,на несколько дней,помочь отцу по-хозяйству.

"Кланяйся своим /я знал его отца/,жене... и скажи,что я тобою очень доволен",говорю ему.Но он только улыбнулся в свои черные усы и большие белые зубы,словно сказал: - "Странно было-бы слышать обратное"... И в тот-же вечер - сам протянув мне руку и верхом выехал рысью за ворота на своем дивном темно-сером кабардинце.До его станицы 35 верст.Он их сделает за ночь.Вот она наша родная казачья станица!Мы принадлежим ей!

ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ В СТАНИЦЕ.

В нашем фруктовом саду на кочугурах,перекапывают землю шесть пленных красноармейцев.Бабушка,руководящая ими в работе - очень довольна.

"Да они и не "красные" внучек",говорит она мне."Они такие добросовестные работники и такие вежливые. Они мобилизованы были в красную армию. Саратовские они... и у них дома хорошее крестьянское хозяйство",поясняет мне наша умная строгая и величественная во всем,любимая и глубокоуважаемая бабушка.

Я подхожу к ним в работе.Они точно знают - "кто я"? И какова наша семья.Они стараются рыть лопатами и боятся смотреть на меня.

"Здорово ребята"... тихо,по-хозяйски,говорю им,одетый в станичную рубаху,вобраную под очкур.

"Здравия желаем,господин Полковник", тихо и спокойно,но стесняючись произнесли они.

Они очень плохо одеты.В защитных солдатских гимнастерках и штанах,но - все оборваны... видно,даже тело.Вид не замученый.

"Хорошо Вас кормят,ребята?"спрашиваю.

"Да за это спасибо; с бабушкой мы все разговариваем за хозяйство... вот только обносились мы" - отвечает один и показывает на свои опорки и порваные штаны и гимнастерки.

Я им отвечаю,что в этом ничем помочь не могу,и мне важно,что бы их хорошо кормили и не обижали-бы.Но на это они только улыбаются и смотрят на нашу бабушку,которая,как мать,так-же молча смотрит и улыбается.Я понял, что их хорошо кормят и не обижают в нашем семействе.А самый бойкий из них,краснощекий парень лет25-ти - вдруг говорит мне:

"Ну зачем нас тут держать?.. дали бы винтовки,мы бы эту красную гадину в момент бы растоптали с Вами! А то,вот...безполезно это все!"

Как правильны эти слова! Слова пленнаго красноармейца-крестьянина.Саратовскаго на Кубани....Слышал-ли он о ней когда? о Кубани-то нашей? А вот мысли,взгляд - одинаковый "на красную гадину",как он выразился

Пленных надо было накормить,одеть,обуть,сказать им душевное слово,промуштровать в строю и - дав оружие - поставить в строй.

Какое-то странное непонимание было тогда в "верхах"! Оружие,ведь,было! Сотни тысячь их брали,ведь,вооруженными!И сколько их было на х.Романовском - обносившихся,грязных,запуганых и полуголодных на богатой хлебом Кубани!...словно пленных рабов в чужой стране... Жуткий был наш тыл!

КУБАНСКИЯ ЧАСТИ НА ФРОНТЕ ЛЕТОМ 1919-го года.

Кубанская Армия не была организована, но на Царицынском направлении, к весне и лету 1919-го года, были сосредоточены следующия строевыя части Кубанскаго Войска:

1-й и 2-й Полтавские конные полки, 1-й и 2-й Черноморские, 1-й и 2-й Кавказские, 1-й и 2-й Кубанские, 1-й и 2-й Лабинские, 1-й Таманский, 2-й Запорожский, 2-й Уманский, 2-й Екатеринодарский, Корниловский конный, Сводно-Кубанский конный, Кубанский гвардейский дивизион, 1-я и 3-я Кубанския пластунский бригады и Кубанския казачьи конныя батареи. Число и номера этих батарей нигде не указано.

Все эти части составляли 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю Кубанския казачьи дивизии.

1-й Запорожский, 1-й Уманский, 1-й Екатеринодарский и 1-й Линейный конные полки - составляли 1-ю КОННУЮ /Кубанскую/ дивизию, названную так со 2-го Кубанскаго похода.

Итого, на Царицынском направлении, действовали двадцать один конный полк и две бригады пластунов Кубанских казаков.

"В течении гражданской войны, организация высших Кубанских соединений, несколько раз менялась" - пишется в Кубанском Календаре, изданном Войсковой канцелярией в Белграде, Югославия, в 1931-м году, на стр. 53-ей, и добавляется:
"Конныя части, со своей артиллерией, обыкновенно, составляли три Кубанских корпуса. Пластуны работали, почти все время, бригадами, будучи приданы конным корпусам."

Генерал Врангель, в своем труде "Белое Дело" том 5-й, на стр. 141-й, пишет:
"Через-тнесколько дней после 7-го мая, части Генерала Шкуро - 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии - были сведены в корпус, получивший название 3-го; 1-й, 2-й и 3-й корпуса - получили наименование КУБАНСКИХ. Корпус-же Генерала Шатилова - был переименован в 4-й КОННЫЙ". В этот 4-й Конный корпус входили: - 1-я Конная /Кубанская/ дивизия и Сводно-Горская, что отмечено Врангелем на той-же странице, но не указано - какие племена кавказцев составляли эту Сводно-Горскую дивизию?

Кроме чисто Кубанских строевых частей - на Царицынском направлении были:- Черкесская конная дивизия и Карачаевская конная бригада, которыя территориально принадлежали к Кубанскому Войску.

На этом-же направлении действовали, прибывшие с Терека и Дагестана:- - 2-я Терская казачья дивизия, 1-я Терская пластунская бригада, Кабардинская конная дивизия, Ингушская конная бригада, Дагестанская конная бригада и Осетинский конный полк. Все эти части указаны в том же труде Генерала Врангеля. Как и указано, что - 1-я Кубанская казачья дивизия и 2-я Терская казачья - вначале составили 1-й КОННЫЙ корпус /стр. 134/.

Все эти части, с левофланговыми от них дивизиями Донского Войска, с Астраханской Отдельной конной бригадой /казаки и калмыки Астраханской губернии/ и с 6-й пехотной дивизией - образовали КАВКАЗСКУЮ АРМИЮ, под начальством Генерала Барона Врангеля; но еще до взятия Царицына - Донския казачьи дивизии влились вновь в свою Донскую Армию.

В конце февраля 1919-го года,после победнаго очищения от красных территории Терскаго Войска - в каменно-угольный район Донецкаго бассейна - спешно были переброшены с Терека: - 1-я Кавказская казачья дивизия Генерала Шкуро,состоявшая из чисто Кубанских полков - 1-го и 2-го Хоперских, 1-го и 2-го Кубанских конных партизанских, 2-я Кубанская пластунская бригада, 1-я Терская казачья дивизия Генерала Топоркова и 2-я Терская пластунская бригада.

Все эти Казачьи части,с частями 1-го Армейскаго пехотнаго корпуса, так называемыми "цветными дивизиями"- Корниловской,Дроздовской,Марковской и другими частями - образовали ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ АРМИЮ,под начальством Генерала Май-Маевскаго.

Коме того,в эту Армию влитн были потом 2-й Таманский и 2-й Лабинский полки Кубанскаго Войска,которые обозначались в Войске "3-ей Отдельной Кубанской бригадой.С 42-м Донским казачьим полком,они составляли Казачью группу под командой Генерала Виноградова.

Итого,на Украине действовали шесть Кубанских конных полков и одна бригада пластунов,а от Терскаго Войска - четыре конных полка и одна бригада пластунов.

Всего же,на внешний фронт гражданской войны,Кубанское Войско выставило 27 конных полков,три бригады пластунов и 24 батареи,не считая Черкесскую конную дивизию и Карачаевскую конную бригаду.

К лету 1919 года было мобилизовано еще четыре полка казаков третьей очереди - 3-й Запорожский и 3-й Уманский,составлявшие 2-ю Кубанскую Отдельную казачью бригаду и 3-й Кавказский и 3-й Черноморский - сведенных в 1-ю Кубанскую Отдельную казачью бригаду.Эти бригады не были на фронте;Запорожцы и Уманцы были расбросаны в Черноморской губернии,в районе города Туапсе,против "зеленых",а Кавказцы и Черноморцы в Ставропольской губернии,северо-западнаго ея района,так-же,для охраны внутренняго порядка.

Столь значительныя воинския силы выставила на фронт чисто казачье население и горцы Кубани,территория коих,т.е.Кубанская Область,была рав на территории русской губернии.

Эти цифровыя данныя и размер территории Кубани - особенно отчетливо показывают - и напряженность и жертвенность Кубанскаго казачества,как и психологическое состояние его в борьбе против красных.

БОЕВЫЕ КАРТИНКИ КУБАНЦЕВ НА ФРОНТЕ.

Мы их занесем из источников не казачьих.Генерал Деникин,в своем труде "Очерки Русской Смуты" том 5-й,на стр.76и 77 пишет:

"Мы оставили Юзово,Долю,Волноваху,Мариуполь.В виду этого,коннице Генерала Шкуро /1-я Кавказская казачья дивизия,Ф.Е./,взявшаго 17 марта Дебальцево - была дана задача ударить по тылам западнаго фронта.В течении 2-х недель - с 17-го марта по 2-е апреля - он прошел от Горлова до Азовскаго моря,наводя страх на большевиков,разогнав,порубив и взял в плен несколько тысяч человек,бронепоезда и другую военную добычу.Между Волновахой и Мариуполем,Генерал Шкуро разгромил "дивизию Махно",полки которагокак сообщалось в донесении - "обратились в паническое бегство, бросая оружие,шубы,шинели и,даже,сапоги"...

"В этом и последующих сражениях надлежить отметить боевое сотрудничество с Генералом Шкуро,и оперативное руководство корпусом,его доблестнаго начальника штаба,Генерала Шифнер-Маркевича"- вносит в примечании

там же Генерал Деникин.

Один из Командующих красной армии А.И.Егоров,в своем труде "Разгром Деникина в 1919 году",об этом рейде Генерала Шкуро,пишет на стр.85.

"Начальные успехи 13-й красной армии и группу Махно были быстро ликвидированы конницей противника.Направленый между Волновахой и Мариуполем Генерал Шкуро - нанес ряд сильных ударов малоустойчивой и не высокой в моральном отношении группе Махно,и вследствии этого,войска Генерала Май-Маквского,в первых числах апреля,вновь занимают первоначальное положение".

Генерал Деникин продолжает на стр.106: - 1-й Армейский корпус Генерала Кутепова и 1-я Терская казачья дивизия Генерала Топоркова устремились на Харьков и,после пятидневных боев,11 июня занимают город".

"16-го июня,по с о б с т в е н н о й и н и ц и а т и в е Генерала Шкуро - был занят Екатеринослав". /Редким шрифтом отметил сам Деникин,Ф.Е./

Как был захвачен,и как восприяло это население города - приведем выдержки из пространнаго разсказа юриста горда З.Ю.Арбатова,помещеннаго в "Архиве Русской революции",том 4-й.

"С утра 12 июня,проделав какия то маневры,показавшиеся брльшевикам отступательными - Полковник Шифнер-Маркевич,бешенным налетом под артиллерийским огнем - первым влетел на жел.дор.мост через Днепр,увлекая за собою безудержную лавину разгоряченных казаков".

"К часу дня,озираясь по сторонам - по городу раз,езжали казаки... а Шифнер-Маркевич,с сотней казаков помчался к станции Горяиново,что бы отрезать большевикам путь по жел.дороге,и захватив там два эшелона красноармейцев - вернулся в город".

"Легкой рысью проносились по Проспекту сотни казаков; добродушныя улыбки кубанцев,загорелые лица офицеров,часто мелькающие беленькие Георгиевские крестики на груди и безконечный восторг,неимоверное счастье освобожденных людей"...

"К обеду разнеслась весть о приезде Генерала Шкуро,и улицы снова наполнились толпой.

Увидев молодого Генерала,идущаго впереди безконечной ленты конных войск - толпа забыла печаль прошлой ночи... Прилив твердой веры и новыя надежды - охватили изстрадавшихся людей.Генерала забрасывали цветами; молодыя и старыя женщины,крестясь и плача - целовали стремена принесшаго освобождение генерала.И впервые,после трех-недельнаго молчания - - зазвонили церковные колокола"..

"Шкуро,устало покачиваясь в седле,смущенно улыбался; к его простому загорелому лицу,как-то не шли ярко-красные генеральские лацканы /лампасы,Ф.Е./; и еще вчера неизвестная фамилия Шкуро - сегодня стало ореолом освобождения и надеждой на возстановление Родины /стр.90,91/.

А вот как действовали Кубанския конныя дивизии на противоположном фланге,на Царицынском направлении:

"На закате 6-го мая,я назначил общую атаку,дав Гордам,1-й Конной дивизии и бригаде Полковника Фостикова направление на станицу Великокняжескую.С начала артиллерийской подготовки,я об,ехал фронт полков, сказал людям несколько слов ,приказал снять чехлы и распустить Знамена.

При построении боевого порядка - всем полковым хорам трубачей приказал играть марши своих частей.

Как на параде строились полки в линию колон,разворачиваясь в боевой порядок.

Гремели трубачи,реяли Знамена.Вот блеснули шашки.Пронеслось УРА и, масса казачьей конницы,ринулась в атаку,вскоре скрывшись в облаках пыли.Гремела артиллерия.Белыя дымки шрапнелей густо усеяли небо"...

Это пишет Генерал Врангель в своем труде "Белое Дело",том 5.стр.140. и 141-й.

"Противник,за три дня боев,потерял около 15 тысяч пленных,55 орудий и 150 пулеметов" - тут-же добавляет он.

А вот вторая картинка казачьей славы и страданий,по его словам,на стр. 149-й:

"В автомобиле выехал в Котельниково.На всем пятидесяти-верстном пути,мы не встретили ни одного жилья.Безлюдная,покрытая ковылем,местами солончаковая степь - была совершенно пустынна.Красныя кирпичныя маленькия здания полустанков одиноко стояли в степи.За весь путь мы встретили лишь медленно тянувшийся,запряженный верблюдами,арбяной транспорт с ранеными.Убийственно медленно тянулись сотни верст скрипучия арбы; укрывши головы от палящаго зноя - лежали несчастные страдальцы."

Своеобразный многотысячный бивак Казачьей конницы в Астраханской степи - Генерал Врангель описывает в поэтических тонах.Вот он:

"В ночь на 27-ое мая,перед атакой,Армия ночевала в поле.Стояла тихая звездная ночь.Воздух напоен был степным ароматом.Далеко по степи раскинулись биваки полков.Я спал на бурке,подложив под голову подушку седла.Кругом слышались голоса казаков,фыркали кони,где-то далеко,на заставе,стучали выстрелы.Казалось,что история перенесла нас на целый век назад,в эпоху великих войн,когда не было ни телеграфов,ни телефонов - и вожди Армий сами водили войска в бой."/стр.151/.

Все это,так красочно и выпукло описывает русский генерал о доблестных полках Кубанскаго Войска,победно идущих на Царицын,коих под начальством Генерала Врангеля было ДВАДЦАТЬ ОДИН.Но никто из Кубанских генералов и старших начальников,участников этого похода,глубокаго по боевой славе,остраго по кровавым потерям и всевозможным невзгод в солнцем спаленной Астраханской степи - н и к т о н е о п и с а л. . . .

Но,возможно,что в казачьей психологии - это было самое обыкновенное дело,самое нормальное,о чем и не следует писать? Возможно....

После кровопролитных двух-дневных боев,главным образом под ударами 1-го Кубанскаго конного корпуса Генерала Покровскаго и 2-го Кубанскаго конного корпуса Генерала Улагая - 17-го июня 1919г.Царицын пал./стр.158 и 159/.

Насколько жестоки были кровавыя потери - Генерал Деникин,на стр.108 пишет:

"Стоил этот успех крови не малой /т.е.весь поход на Царицын и взятие его,Ф.Е./.В одном командном составе убитых и раненых было пять начальников дивизий,два командира бригад и одинадцать командиров полков - свидетельство высокой доблести войск,в особенности Кубанцев".

"15-го июля,под сокрушительными ударами группы Генерала Покровскаго - пал Камышин.В трех-дневную операцию под Камышиным,было взято около 13-ти тысяч пленных,43 орудия и много пулеметов",пишет Генерал Врангель на стр.108. а всего за 40 дней Царицынской операции захвачено:40,000

пленных, 70 орудий, 300 пулеметов/стр.160/.

"После овладения Царицыным—21-го июня,3-я Кубанская казачья дивизия под начальством Генерала Мамонова,переправившись на левый берег Волги - достигла полотна жел.дор.Саратов-Астрахань;своими головными частями,заняло село Средне-Ахтубинское,где была встречена населением колокольным звоном" /Ген.Врангель,стр.163/,а - "В средине июля,в районе Эльтонских озер,части Генерала Мамонова вошли в связь с уральцами.

Раз,езд Уральских казаков,пересекший на пространстве ста с лишним верст пустынную степь - соединился с нашими частями".Там-же у генерала Врангеля на стр. 170/.

"На Дону царил высокий под,ем.10-го июня Донское Войско торжественно праздновало в Новочеркасске освобождение своей Земли от нашествия красных.А Армия Дона,насчитывавшая в средине мая 1919 года ПЯТНАДЦАТЬ тысячь бойцев - росла непрестанно,дойдя к концу июня до СОРОКА тысячь"/Генерал Деникин на стр.107/.

После этого знаменитый рейд 4-го Донского корпуса Генерала Мамантова по тылам красных в августе месяце - Тамбов,Козлов,Лебедин,Елец,Грязи,Касторная.

"По всему пути Генерал Мамантов уничтожал склады и громадные запасы противника; разрушал жел.дор.мосты; распустил несколько десятков тысяч мобилизованных; вывел целую бригаду крестьян-добровольцев; нарушил связь,снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику" - так пишет Генерал Деникин на стр.122.

"Разграбление и уничтожение складов,баз и запасов Южнаго нашего фронта - нанесли весьма тяжелые удары всему снабжению армий",пишет красный командующий А.И.Егоров в своем труде "Разгром Деникина в 1919г" на стр. 121 и фиксируеет,что - "Значение этого Казачьяго коннаго рейда Генерала Мамантова,было очень велико для всей операции Южнаго краснаго фронта этого периода".

"В то время,когда Мамантов нащупывал на фронте наиболее подходящие пункты для своего обратнаго прорыва - конный корпус Генерала Шкуро,вместе с другими добровольческими частями,продолжал наступление", говорит в своем повествование Егоров и,потом,эпически заканчивает так:

"19 сентября /т.е.6 сетября ст.ст./ Мамантов ударил в тыл четырем нашим пехотным дивициям,и около 10 часов в тот же день произошлр его соединение с корпусом Шкуро"/стр.121/.

Эти два казачьих конных корпуса соединились северо-западнее станции Лиски /см."Трагедия Казачества" том 3,стр.275/.

— ° —

После захвата г.Екатеринослава 16-го июня 1-й Кавказской /Кубанской/ казачьей дивизией - она долго и очень успешно оперировала на правом берегу Днепра в юго-западном и западном направлениях от города,совместно с 2-м Лабинским,42-м Донским казачьими полками и Терской пластунской бригадой и левофланговыми частями Добр.Армии.Угроза Харькову со стороны красных войск заставили Главное Командование перебросить спешно дивизию в этот район,по маршруту,поездами - Полтава,Харьков,Белгород.К этому времени,с леваго берега Днепра,сюда перебрасывают и 1-ю Терскую казачью дивизию Генерала Владимира Агоева.

Из этих двух казачьих дивизий был составлен корпус,который был назван 3-й КОННЫЙ.Его Командиром был назначен Генерал Шкуро.Генерал Шифнер-Маркевич стал во главе 1-й Кавказской казачьей динизии.Все это произошло в первых числах августа месяца 1919 года.

Если после занятия г.Камышина головныя части Кубанских конных корпусов подошли по правому берегу Волги к г.Саратову на 80 верст,как пишет Ген.Деникин на стр.109 - то в августе месяце,под нажимом красных войск,был сдан и Камышин.

В центре-же Вооруженных Сил Юга России,как официально определялись все силы под командованием Генерала Деникина,по его "Московской директиве" - был полный успех.

"7-го сентября,1-й Армейский корпус Генерала Кутепова взял Курск. 17-го сентября,Генерал Шкуро,неожиданно переправившись через Дон - захватил Воронеж.30-го сентября,части корпуса Кутепова овладели Орлом и продолжали движение к Туле"/Ген.Деникин,стр.123/.

"В начале октября 1919г. силы Юга России занимали фронт севернее Царицына,вверх по р.Хопру до Лиски,потом Воронеж,Елец,Орел,Чернигов,Киев /там-же,линия фронта по карте,стр.121/.

"Состав вооруженных сил Юга России,с мая по октябрь,возрос последовательно от 64-х до 150-ти тысяч" /стр. 118/.

"Из этого состава,около 20-ти тысяч оставались на Черноморском побережьи против Грузии,и в Терско-Дагестанской области против горцев,Азербейджана и Астрахани"/там-же,внизу,в примечании/.

"Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район,заключавший в себе 16 - 18 губерний и областей,пространством в 810 тысяч кв. верст и с населением в 42 миллиона" - заключает Ген.Деникин на стр.126.

Малиновый звон Кремлевских колоколов Белокаменной,как писали тогда многия газеты,казалось,уж сдышен был....

При таком состоянии фронта,я выехал с Кубани в Воронеж,в 3-й Конный корпус Генерал-лейтенанта Андрей Григорьевича Шкуро,по его,возможно,мифическому лозунгу ко всем казакам: - "Все обиженные - КО МНЕ!

НА ПУТИ,НА ФРОНТ,К ВОРОНЕЖУ.

В последних числах сентября,погрузив лошадей на станции Кавказская - со своим конным вестовым-сверстником,бывшим старшим урядником Конвоя Его Величества Тимофеем Сальниковым - мы ждали отхода поезда на Ростов.

На этой станции юрта земель нашей Кавказской станицы - мы увидели толпы пленных красноармейцев - грязных,отрепаных и,думаю,голодных.Вид их был неприятный.Я,даже,подумал: - отчего их не отправили в запасные баталионы.Накормив и одев - почему не использовали людской материал?

До Ростова ехали как по родной земле.Кругом довольство,знакомыя картинки и знакомые типы людей.

От Ростова поезд направили на запад,на Таганрог,и пред нами появилась чужая и незнакомая степь.На жел.дор.мостах часовые солдаты,говорили нам, что здесь не совсем спокойно.

Вот и Таганрог.Поезд дальше не идет и я осматриваю этот чистенький белокаменный приморский городок,такой тихий,словно и нет войны.Здесь Ставка Главнокомандующаго Генерала Деникина.Таганрог - Родина Чехова, почему его и интересно осмотреть.

Мы в Харькове.Вновь долгая остановка поезда.Иду в город.Улицы многолюдны.Много военных.Странно было видеть и слышать на углах поющих кобзарей-слепцов.На улице встречаю Сотника-шкуринца в водчьей папахе.Узнав что я еду в корпус Шкуро - он был очень активным моим проводником по городу.

Но... окончился тыл.Наш поезд вошел в прифронтовую полосу.Начиная

с Валуйки и до станции Лиски - наш товарный поезд шел в зоне,словно оккупированный пленными красноармейцами.На каждой станции их были толпы - грязных,голодных,предоставленных самим себе - слоняющихся,спящих тут же,апатичных,но не злобных на вид.Если бы не коменданты станций в своих красных фуражках и с погонами,как единственные представители власти - можно было подумать,что поезд двигается по советской территории...Здесь, на всех этих станциях - была расбросана целая красная армия... Мне казалось,что она,взбунтовавшись,даже,и без оружия, могла бы легко взять власть в свои руки....

Вся эта масса пленных,предоставленных самим себе,явно голодная,вызывали во мне человеческую жалость к ним,как и возмущение нашими порядками в тылу.

На одной из больших узловых станций вижу длинные пассажирские составы поездов.В вагонах яркое освещение.В них много офицеров и сестер милосердия.Звучит пианино.Я впервые вижу подобное зрелище в прифронтовой полосе,почему и спрашиваю перваго попавшагося офицера-добровольца в цветной фуражке - "Что это?

"Это поезд № полка!" отвечает он отчетливо,как о нормальном явлении.

Стоит и еще один поезд,но в нем большинство товарных вагонов.Пассажирские же вагоны не так ярко освещены.

"Это поезд Генерала Шкуро"... докладывает мне казачья папаха.

"Кто его начальник?.. и где он?" спрашиваю папаху в темноте ночи.

Передо мною выростает фигура Хорунжаго в волчьей папахе.Он хотя и отчетлив,но во всем виден простой служака.

"Генерал Шкуро проследовал вперед в одном вагоне,а поезд он оставил здесь,со всеми запасами для своего корпуса",докладывает он мне.

Все вагоны на замках.Видимо интенданство.А что в них - мне не известно.Хорунжий же с казаками - страж поезда.

Этот перегон в 200 верст,с безчисленными толпами пленных на станциях,с крестьянами-мешочниками,с убогими женщинами-крестьянками,также мешочницами,с полным произволом над ними едущих белых воинских чинов,отбирающих у них муку лично для себя - произвели на меня удручающее впечатление.Мы ехали,будто по зачумленой зоне,об,ятой уже голодом, карательными отрядами и произволом.И это было в самом ближайшем тылу фронта,где все должно быть точно и крепкая поддержка.И я вспомнил - с каким удовольствием,и так радужными надеждами,там,в тылу,смотрели многие,и я лично,на передвигающуюся "линию фронта" на больших картах,показываемую толстым шнуром агитационных пунктов... И этот толстый шнур, обозначавший на карте "передвижение вперед,к Москве красной,фронт белых войск" - был,словно,нашей живительной артерией.И его передвижение вверх,на север - было так приятно!..

Его пердвинули... но никто там,в тылу,не знал,а м.б.и не хотел знать - что же дала "белая власть" тем,кто остался теперь к югу от этого магическаго толстаго шнура?

У меня в душе от этого сложилось нехорошее чувство.И это чувство было - чувство страха перед пустотою.

— ° —

Вот так знакомая мне станция Лиски.Сколько раз,мы юнкера,проезжали этот длинный низенький жел.дор.вокзал,где должна быть нам пересадка! И хотя здесь всегда было грязно,на перроне всегда была давка от праздно-шатающей молодежи,а позади вокзала было грязное село-городок,откуда неприятно пахло крестьянскими кислыми щами - мы были всегда так рады, достигнув из Оренбурга до этой станции Лиски,т.к.за нею,вскорости,начи-

нались "Земли Войска Донского" и мы вступали в свой казачий рай, где, даже, и кизячий острый запах из дымившихся труб - был так дорог и приятен.

И вот, теперь, я на этой нашей "милой юнкерской Лиски"...Но ее не узнать! Вихрь разрушения войною прошел здесь особенно остро. Узлавая жел. дор. станция каждому врагу нужна. Она, видимо, упорно защищалась красными. Постройки сильно пострадали от артиллерийскаго огня. А через Дон - подорван мост. Сейчас ее занимают небольшия Донския части и немного Терских казаков. Отсюда, и до самаго Воронежа, тянется фронт. Вдали слышны орудийные выстрелы. Конные Донские казаки, с полным седельным вьюком, в серых шинелях, на крепких лошадях, следовали на восток. За ними шли двуколки, нагруженныя мешками и фуражем. Было уже холодно. Наступил октябрь месяц. Дул холодный восточный ветер. Было серо-серо и неуютно кругом. И вся эта суровая картина войны предстала передо мною во всей своей неприглядной наготе. Я уже отвык от нея, т.к. не был на фронте ровно пять месяцев. Да и весенний фронт в Ставропольских и Астраханских степях, когда ярко светит согревающее солнышко, растет и радуется трава, щебечет жаворонок в поднебесьи и казак-воин радостно снимает с плечь свой кожух и вязывает в торока седла - это совсем не то, что вижу я теперь, по осени.

И путь наш "до Москвы" показался мне безконечно долгим и трудным и, совсем не тем, каким казался в вечно праздном и ликующим Екатеринодаре.

Жел. дор. мост через Дон, тут же, взорван красными, но не сильно. "Быки" все целы и только на первом пролете, у самаго берега, взорвана передняя часть рамы. Ее уже починили. Комендант станции доложил, что еще вчера, путь до Воронежа не безопасен от красных. И Генерал Шкуро, возвращавшийся из отпуска, с потушенными огнями, и на-авось, в одном вагоне при паровозе, ночью выехал в Воронеж и прибыл туда благополучно.

Инженер, осмотревши починеный мост и тяжесть нашего состава поезда - черепашьим шагом пропустил его через мост и мы, к ночи, двинулись также на Воронеж. Это было 5-го октября 1919 года.

В ВОРОНЕЖЕ. ГЕНЕРАЛ ШКУРО.

Наш товарный поезд благополучно дошел до сортировочной станции, что в 7-ми верстах на восток от Воронежа.

Еще далеко до прибытия на эту станцию - мы обратили внимание на северо-восток, на движущиеся к Воронежу конныя и пешия толпы людей, раскинувшиеся по полю, насколько хватал глаз человека. А кто они? - мы не знали. И лишь когда остановился наш поезд и должен был менять паровоз - мы увидели "передовых людей" всей этой неизвестной мешанины. То, оказывается отступали некоторыя части 3-го Коннаго корпуса Генерала Шкуро, после боя с красной конницей Буденнаго, под г. Усмань-Собакино. Пешие же люди были местные крестьяне, которые, с котомками за плечами, в лаптях и в своих бурых кафтанах старо-русскаго покроя - уходили от красных, бросив свои семья и пожитки на местах.

Отступавшие одиночные казаки без строя и без своих частей, сказали нам, что красная конница двигается непосредственно за ними и вот-вот будет здесь.

Паровоз долго не подавали. Становилось жутко от неизвестности. Но вот вышел из депо главный путейский инженер в щегольском черном пальто, с генеральскою зеленою подкладкою в нем - солидный, с барскою осанкою и седеющею бородою. Он был в большом гражданском чине. Паровоз был подан, который, схватив состав - безо всяких правил потащил нас в Воронеж. С нами уехал и инженер-инспектор. Это был последний поезд из Лиски. К вечеру, хозяева положения здесь - были уже красные.

Наш поезд, как прибывший из сытнаго юга, немедленно же окружили жители голодного города и, к удивлению, сплошь интеллигентные люди, в надежде

что-то купить у мешочников.Среди них много учащейся молодежи.Вид всех грустный.Я попал в неведомый мне край по жизни,по настроению людей...

Вдруг над городом разорвалось,высоко в небе,несколько шрапнелей красных.И если для меня это было так неожиданно,то для тех,кто пришел к вокзалу купить что у мешочников - оказалось нормальным явлением:-они продолжали свой торг с мешочниками,ища,главным образом,муку.Мы-же,быстро выгрузив своих лошадей,широкой рысью двинулись по городу,к "Штабу Шкуро".Его мы очень скоро нашли.Он помещался на Дворянской улице,кажется в Центральной гостиннице.

Мы там... но я ужаснулся тому,что увидел:- нас,верховых,прижал к южной стороне улицы поток повозок,отходящих пешком крестьян и разрозненных конных казаков,по разным причинам отколовшихся от своих частей. Все шли куда-то...Обозы нервно торопились,крича и погоняя своих лошадей.У верховых казаков худыя лошади,и у многих,не верхового сорта,а крестьянския,видимо,обменяныя на своих,загнаных долгими походами и боями.

У многих казаков лошади в сплошной болотной тине до тебеньков седла и,длинные хвосты коней,слипшись сплошным жгутом - подло болтались между задних ног.

А вот идет две пары артиллерийской упряжки в хомутах,на загнаных мокрых лошадях и... без орудия.Видимо это двупарная упряжка от зарядного ящика,который застрял где то в болотной трясине,т.к.все лошади в сплошной тине со шлеями вместе.Но лица всех отходящих верхом казаков были спокойные; они не торопились и все были вооружены шашками и винтовками.Одеты были уже по-зимнему.Но печать усталости от безпрерывных походов и боев,ярко обозначалась на всем виде всадников.

Подо мною и урядником-гвардейцем Сальниковым лощеныя лошади.Мы в черкесках и при погонах стоим верхами,прижатые этим потоком людей к тротуару.Мы не знаем - что-же нам делать? Вдруг на балконе гостинницы, быстро появился Генерал Шкуро.Он в черной черкеске,в блестящих генеральских погонах и без папахи.

"Куд-да?!...куд-да Вы?... кто Вам позволил?... отступать?!. Конвой! ... волки!... в плети их!"

Под его глаза попалась и моя фигура на рослой красивой лошади.

"Полковник!... задержите всех этих казаков!... Да скорее!... и отведите назад в их части!" -очень быстро и запальчиво выкрикнул Шкуро всю эту тираду слов и быстро вернулся назад.Он,видимо,имел телефонный разговор с кем-то.Тут-же,против меня,немедленно открылись ворота и оттуда быстро выскочил взвод пеших казаков-"волков",конвой Шкуро в волчьих папахах.Они вихрем "перерезали" улицу и,совершенно безцеремонно,стали хлестать плетьми и лошадей и казаков,кто хотел проскочить "их цепь".

Воспользовавшись этим - я уж смело командую-распоряжаюсь:

"Стройся вот сюда!... Пристраивайсь!.. Живее!" И через несколько минут уже появился строй конных казаков человек в 120.Шкуро опять показался на балконе и крикнул мне:

"Полковник!... ведите их вперед,в село /он назвал это село/,к Генералу Губину!" - и опять скрылся в свой штаб.

Где это село?... кто такой генерал Губин? - я нич-чего не знал,но нервная нетерпеливость Шкуро - непозволили мне размышлять.Думаю - в дороге,от урядников,узнаю - где это село и кто таков генерал Губин?

-Осторожно-

С темнотою ночи я прибыл в назначенное село. Оба начальники дивизий корпуса Шкуро - 1-й Кавказской казачьей Генерал Губин и 1-й Терской казачьей Генерал Агоев Владимир - были на колокольне церкви. Взобрался туда и представился высокому мясистому Губину. Рядом с ним стоял небольшого роста и хорошо сложеный Агоев. Последний в чевяках и в мелких галошах. Вид его - типичный горец - изящный, легкий, подвижной и щегольской. Одет он был так, словно собрался на бал.. Мне он напомнил Генерала Колю Бабиева. От них я узнал, что красная конница Буденнаго нанесла их дивизиям два удара под г. Усмань-Собакино 1-го и 5-го октября и они отступили. Убиты нач. штаба Терской дивизии /фамилию не помню, Ф.Е./ и командир 2-го Хоперскаго полка Полковник Беломестнов. С ними я вернулся в Воронеж и на ночь расположился в офицерской столовой Центральной гостинницы, где находился штаб Генерала Шкуро. Это было 6-го октября.

— ° —

7-го октября - легкий завтрак офицеров разных команд штаба корпуса - кто, когда и как хочет, и что у кого есть с, естного. Я сижу один. Все офицеры в младших чинах из бывших урядников.

"Встать!.. Смирно!...Господа офицер-ры!" - подалась команда. Обернувшись - я увидел Генерала Шкуро. Он был в "волчьей папахе" и в нарядной светло-серой Николаевской шинели с пелериной на дорогом меху. Вздернувшись со стула, подошел к нему, остановился и отрапортовал:

"Ваше Превосходительство... Полковник Елисеев представляюсь, назначен в Ваш корпус".

Шкуро глубоко испытывающе посмотрел мне в глаза, подал руку и сказал "Хорошо"; и просил меня зайти к нему в кабинет после завтрака.

Я у него в кабинете. Пред, явил предписание Походнаго Атамана Генерала Науменка.

"Дада...Кубанская, ведь, дивизия здесь одна. Вы будете назначены в распоряжение начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии. А пока что - я прошу Вас проехать в тыл корпуса, за Дон, это верст 10 на запад от Воронежа и собрать всех безлошадных казаков корпуса... Из них надо сформировать пеший баталион... и я назначаю Вас командиром этого баталиона"...

Я слушаю, и не верю своим ушам...Я - "командир пешаго баталиона"../?? Хотел отказаться, уклониться от этой странной для меня, и миссии и должности, но Шкуро просит - "Вначале исполнить это, а там дальше - видно будет

Мы вышли с ним в общую просторную залу-гостинную, как к нам навстречу шли два командира полка - 2-го Кубанскаго коннаго партизанскаго Полковник Михаил Соломахин и 1-го Хоперскаго Полковник Юра Ассиер, которых я так давно хорошо знал и любил. Они оба в бурках и в "волчьих папахах". Они подходили скорым и бодрым шагом, явно, с каким то важным докладом. Юра Ассиер, как юнкер щелкнул каблуками и взял под-козырек перд Шкуро, а Соломахин - вольготно и с улыбкой сделал, представился перед Шкуро.

Их полки стоят под Графской. Они почти изолированы, почему и просят стянуть их к Воронежу. Они титулуют Шкуро "Ваше Превосходительство", а Шкуро их называет ласково - "Миша, Юра" и на "ты". Мне это понравилось.

Шкуро слушает их и успокаивает, что "это есть временная неудача"; и говорит, что бы они возвращались немедленно-же к своим полкам - отпускает их.

Они подходят ко мне и обнимают. Юра очень рад, по-детски рад, что я прибыл в их корпус; забрасывает вопрсами и просит на службу в свой полк, но я его "разстраиваю" назначением батальонным командиром...Соломахин мягко улыбается на мои слова и успокаивает, что это назначение, конечно, временное. Об этих отличных Кубанских офицерах - подробно скажу по событиям.

"КАЗАЧИЙ ПЕШИЙ БАТАЛИОН КОРПУСА"...

7-го октября,по телеграмме Главнокомандующего Генерала Деникина - Терская дивизия,спешно,поездами,была отправлена в тыл,т.к."батько Махно" захватил почти всю Екатеринославскую губернию и подходил уже к Таганрогу,к Ставке Деникина.В тот же день - я выехал собирать безлошадных казаков.Обозы Кавказской дивизии сосредоточились за Доном,верстах в 10-ти от Воронежа.В селе,в котором они находились - было много бежецев из Воронежа.Из учащейся молодежи,какой то офицер формировал роты.

При обозах,действительно,было много безлошадных казаков.У каждаго из них было седло,сумы и винтовка.Конечно,неизменная бурочка и шуба.

Куда казаку девать "этот груз"? - думал я.Оставить седло и сумы в обозе - конечно - все это пропадет современем.И каждый казак никогда не согласится на то,что бы эти,так дорогия для него собственныя вещи военнаго снаряжения,отдать в ненадежное хранение.

Собрал я подобных казаков несколько десятков и не знал - что-же с ними делать?И будет-ли от них какая-да-нибудь польза?И одно было ясно,что - надо достать для них лошадей.Но где?Воронежские крестьяне бедны.Семьи у них большия.А хозяйство - одна лошаденка да-одна-две коровенки....

Все казаки,потерявшие своих лошадей в боях,и предоставленные самим себе - они,естественно,шли в свои полковые обозы,жили по крестьянским хатам,там же как то питались и следовали за обозом,как за путеводительной звездой.

Никогда нельзя винить в дезорганизации армии нижних чинов и рядовое офицерство.Организация армии зависит от высших штабов,вернее от того,кто возглавляет это дело,будь то полк,дивизия,корпус.

Когда я находил где-нибудь еще какую группу казаков - они неизменно окружали нас с урядником Сальниковым,всматривадись в глаза незнакомым им людям,любовно разсматривали наших холеных и красивых лошадей,гладили их и я замечал волнение и зависть в их глазах,что вот,дескать,Вы на лошадях,а мы, — пешие,почему и несчастные.Все были послушны и просили лошадей.Мне было жаль их.

Найдя формирование пешаго баталиона совершенно невозможным - решил вернуться и доложить все Шкуро.

Воронеж был сдан без боя 11-го октября.Поезд Генерала Шкуро я нашел на какой-то маленькой станции.При Шкуро никакого штаба.Десятка два сестер милосердия пили чай в станционном вокзале и угощали им "Андрей Григорьеча",как они называли Шкуро.У всех были встревоженныя лица.

Доложив о своей неудачной миссии--я услышал от него - "Что-же делать?

"Достать лошадей и посадить на них казаков",коротко ответил ему.

"Хорошо...тогда поезжайте в села и реквизируйте лошадей у крестьян" - ответил он.

"Слушаюсь,Ваше Превосходительство... позвольте получить аванс?-

"Аванс?... плату за лошадей?" - удивленно отвечает он. "Денег у нас нет... Вы будете реквизировать безплатно... крестьяне должны помочь Армии,России",добавил он. "А впрочем - можете выдавать от себя квитансии", закончил он.

Подобное распоряжение меня больше чем удивило.Для нужд какой Армии,и для какой России крестьяне должны жертвовать последним своим достоянием? думал я тогда.Существовало в действительности две Армии и две Росссии - белая и красная.Обе России и обе армии реквизируют все у крестьян безплатно,то - где-же правда?И в чем она заключалась для крестьян?И кого они должны поддерживать?Получался заколдованный круг для них,а для меня - приказ высшаго начальства.Получив предписание,с 4-мя казаками-хоперцами, я выехал куда-то на запад.

Июль 1961 г.Нью-Йорк. Полковник Елисеев.